

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Александр Павлов. «Состояние постмодерна»</i>	
Дэвида Харви	7
Основные тезисы	41
Предисловие.	42
ЧАСТЬ I. ПЕРЕХОД ОТ МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	
Глава 1. Введение к части I	47
Глава 2. Модерн и модернизм.	56
Глава 3. Постмодернизм	103
Глава 4. Постмодернизм в большом городе: архитектура и городское проектирование	142
Глава 5. Модернизация.	177
Глава 6. ПОСТмодерНИЗМ или постМОДЕРНИзм?	199
ЧАСТЬ II. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА КОНЦА XX ВЕКА	
Глава 7. Введение к части II	211
Глава 8. Фордизм	218
Глава 9. От фордизма к гибкому накоплению	244
Глава 10. Теоретическое осмысление перехода	291
Глава 11. Гибкое накопление — монументальная трансформация или временное решение?	315
ЧАСТЬ III. ОПЫТ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ	
Глава 12. Введение к части III	331
Глава 13. Индивидуальные пространства и времена в социальной жизни	348

Глава 14. Время и пространство как источники социальной власти	370
Глава 15. Время и пространство проекта Просвещения	394
Глава 16. Пространственно-временное сжатие и подъем модернизма как культурной силы	416
Глава 17. Пространственно-временное сжатие и состояние постмодерна	451
Глава 18. Время и пространство в постмодернистском кино	491

ЧАСТЬ IV. СОСТОЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА

Глава 19. Постмодерн как историческое состояние . . .	519
Глава 20. Экономика с зеркалами	522
Глава 21. Постмодернизм как зеркало зеркал	531
Глава 22. Фордистский модернизм против гибкого постмодернизма, или интерпретация противоположных тенденций капитализма в целом . .	533
Глава 23. Трансформативная и спекулятивная логика капитала	538
Глава 24. Производство искусства в эпоху электронного воспроизводства и банков образов . . .	543
Глава 25. Ответы на пространственно-временное сжатие.	549
Глава 26. Кризис исторического материализма	554
Глава 27. Зеркала трескаются и оплавливаются по краям	559

Библиография	566
------------------------	-----

«СОСТОЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА»

ДЭВИДА ХАРВИ

В ПОДВОДКЕ к испаноязычному интервью Дэвида Харви 2020 года «Маркс сегодня актуальнее, чем когда-либо» мы читаем: «Дэвид Харви не относится к самым цитируемым фигурам в общественных науках, но при этом он один из виднейших современных марксистов» [Харви, 2020]. Если вторая часть фразы полностью корректна, то первая — неверна в корне. «Марксистский географ» Дэвид Харви весьма часто — и чаще многих социологов — цитируется в социальных и гуманитарных науках. В англоязычной Википедии буквально в основной статье сказано, что в 2007 году Харви занял 18-е место в списке самых цитируемых авторов книг по гуманитарным и социальным наукам (считались цитирования в академических журналах базы данных *Thomson Reuters ISI*), «обогнав» классиков Джона Ролза, Эдварда Саида, Ханну Арендт, Эмиля Дюркгейма и, что более чем иронично, даже Карла Маркса, попавшего на предпоследнее 36-е место (фактически последнее, так как его пришлось разделить с Фридрихом Ницше).

В целом это общеизвестный факт, что «выход каждой новой книги Дэвида Харви — важное событие. <...> Нельзя не упомянуть о том, что Харви — безусловно, самый знаменитый из ныне живущих социальных географов» [Филип-

пов, 2005, с. 220]. Дело в том, что влияние Харви распространяется не столько на географию, сколько на урбанистику, политическую теорию, философию, политическую экономию, исследования культуры, медиатеорию, исследования коммуникаций и т.д. Так как он работает на междисциплинарном академическом поле, сложно определить конкретную область, в которой он состоялся больше всего, и, следовательно, его конкретный вклад в ту или иную науку. Хотя формально и даже не без содержательных оснований Харви считается «географом», его исследовательский подход в целом можно охарактеризовать как «социальная теория» в широком значении этого слова.

Собственно, мы знаем, что Харви — более чем цитируемая фигура в социальной теории и даже в социологии. Другое дело, что мы должны понимать качество этих цитирований. Взглянув хотя бы на источники, переведенные на русский язык, в которых можно ожидать встретить его имя и в которых мы, конечно, его найдем, мы не составим полного и сколько-нибудь адекватного представления о вкладе Харви в социальную науку. К счастью, у нас есть подсказка самого Харви. В интервью британскому историку-марксисту Перри Андерсону 2000 года он сказал: «“Состояние постмодерна” — самая успешная из опубликованных мною работ, она завоевала бóльшую аудиторию, чем все остальные мои книги, взятые вместе» [Harvey, 2001a, p. 15]¹. И хотя с 2000 года Харви — весьма плодовитый автор — издал немало работ, можно быть уве-

¹ Интервью Перри Андерсону, опубликованное в *New Left Review*, было переиздано в качестве пролога к его книге [Harvey, 2001a]). Хотя в заглавии Харви использует термин *postmodernity*, мы решили перевести его как «постмодерн», в соответствии с русским переводом книги Перри Андерсона «Истоки постмодерна» (*Origins of postmodernity*) [Андерсон, 2011]. От русского перевода книги Лиотара «Состояние постмодерна» текст Харви отличает подзаголовки «Исследование истоков культурных изменений».

ренным, что «Состояние постмодерна» все еще остается книгой, превосходящей по популярности все его творчество в совокупности. О том, почему это так, я скажу позднее, а пока давайте посмотрим на те самые несколько социологических работ, вышедших на русском языке, в которых Харви было нельзя не упомянуть.

Обозревая состояние левой социальной теории в начале XXI столетия, шведский социолог Йоран Терборн называет имя Харви в контексте «американского футуризма». Терборн цитирует всего лишь одну книгу географа «Пространство надежды», в которой Харви помимо прочего описал собственную утопию [Терборн, 2021, с. 190–191], за что, кстати, над ним смеялись некоторые критики. Это тем более странно потому, что Терборн много пишет о современности, вернувшейся в социальную теорию после схода «лавины постмодернизма», и регулярно ссылается на классическую книгу другого марксиста Фредрика Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма».

Социолог Джордж Ритцер в очередном переиздании своего знаменитого произведения «Макдональдизация общества 5» обращается к «Состоянию постмодерна» Харви, чтобы доказать, что «Макдоналдс» — это буквально «фабрика модерна», а динамика капитализма, описанная Харви, отражает не разрыв постмодерна и модерна, но их последовательную связь. Некоторая ирония заключается в том, что на предыдущей странице Ритцер утверждает, что фордизм (соответствующий модерну) — а не постфордизм (соответствующий постмодерну), так подробно проанализированный Харви, — не просто жив, а буквально превратился в «макдональдизм», и даже более того, классический фордизм «по-прежнему играет большую роль в американской промышленности» [Ритцер, 2011, с. 148]. Далее Ритцер подробно обращается к теории Джеймисона, чтобы отдать ей должное как лучшей сре-

ди прочих. В другой работе Ритцер посвящает концепции Харви полторы страницы, описывая ее в разделе про неомарксизм, в то время как Джеймисона он обсуждает в разделе социальной теории постмодерна, и куда более подробно [Ритцер, 2002, с. 209–201, 544–549].

Культурсоциолог Джеффри Александер в важной статье, посвященной своеобразным трендам в социальной теории XX века, когда начинает писать про дебаты о постмодерне, упоминает Харви лишь для того, чтобы сравнить его теорию с концепцией постиндустриального общества социолога Дэниела Белла, и заключает: «Консервативные нападки Белла на модернизм включают в себя ностальгию; радикальные нападки Харви на постмодернизм подразумевают поражение» [Александер, 2013, с. 561]. Опять же Джеймисону и даже Беллу, книга которого посвящена вообще не постмодерну (для Александра важен смысл концепции), он уделяет не в пример больше места.

Как видим, упоминания главной книги Харви у социологов если и встречаются, то скорее случайны, и в целом авторы отдают приоритет теории постмодерна Джеймисона. И даже там, где социологи не упоминают теорию Джеймисона, они не уделяют Харви много внимания. Так, социолог-эмпирик Джуди Вайсман, обсуждая ускорение времени в ситуации цифрового капитализма, разумеется, ритуально называет важной идею Харви из «Состояния постмодерна» о пространственно-временном сжатии в условиях динамики капитализма, излагая ее в двух абзацах [Вайсман, 2019, с. 34–35], но в дальнейшем к ней не обращается, отдавая приоритет теориям социологов Мануэля Кастельса, Хартмута Розы и Роберта Хассана. Это же касается других текстов, примеры которых можно приводить еще долго. Но стоит признать, что это — лишь одна сторона медали. Что же на другой стороне?

Не социологи, но социальные философы Антонио Негри и Майкл Хардт пишут в своем бестселлере «Импе-

рия» 2000 года следующее: «Мы совершенно согласны с теми нынешними теоретиками, такими как Дэвид Харви и Фредерик Джеймисон, которые рассматривают постмодернизм как новую фазу капиталистического накопления и товаризации, сопутствующую сегодняшнему этапу становления мирового рынка» [Хардт, Негри, 2004, с. 150]. К сравнению концепций Харви и Джеймисона я еще вернусь, а пока скажу, что это высказывание некорректно в двух существенных отношениях. Хотя философы упоминаются на равных, во-первых, как «культурный марксист» Джеймисон не слишком заинтересован в экономическом анализе «новой фазы капиталистического накопления», и, во-вторых, Харви на самом деле не рассматривает постмодернизм как «новую фазу» накопления капитала. Именно поэтому мы не встретим в фундаментальном труде Кагельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» имени Джеймисона, не уделившего экономике нужного внимания. Более того, Кагельс пишет: «...я не намерен вносить вклад, если это не представляется необходимым ради аргументации, в надомную индустрию (*cottage industry*), сложившуюся в 1980-х годах вокруг постмодернистской теории, будучи полностью удовлетворенным превосходной критикой Дэвида Харви по поводу социальных и идеологических основ “постсовременности”» [Кагельс, 2000, с. 46]. То есть на момент 1996 года, когда вышла работа Кагельса, социологу было нечего добавить к анализу Харви.

В книге «Теории информационного общества» социолог Фрэнк Уэбстер, достаточно строгий ко всем актуальным концепциям (он обязательно предлагает обстоятельную критику фактически любой из анализируемых им теорий), в главе о социологии постмодерна вкратце упоминает Фредрика Джеймисона, а также социологов Скотта Лэша и Джона Урри, отмечая, что они отказываются обсуждать исторические корни постмодерна и что толь-

ко Дэвид Харви решился указать причинные связи модерна и постмодерна посредством объяснения динамики капитала. Уэбстер, как и Александер, сравнивает строгий подход Харви и Белла к эмпирическому материалу и приходит к неожиданно положительному выводу относительно первого: «Эти взгляды на возникновение культуры постсовременности мне представляются убедительными. Они анализируют исторические события и основываются на большом количестве эмпирической информации. Но, конечно, убежденный сторонник постмодернизма сочтет их еще одной претенциозной попыткой создать “великое сказание”, тем более что Харви объясняет возникновение постсовременности в рамках внутренней логики развития капитализма, а Белл стоит на позициях Нового времени, рассматривая постсовременность как результат деградации предшествующей культуры» [Уэбстер, 2004, с. 358]. Уэбстер обращается к «постмодернистским критикам» (а именно к феминисткам) Харви, чтобы заявить, что даже если анализ Харви и неполный, то это не повод отвергать его. Что крайне важно и к чему мы еще вернемся — Уэбстер выделяет теорию постмодерна Харви как эмпирически обоснованную.

Однако все эти примеры, даже мнение Уэбстера, говорят главным образом о том, что данная работа Харви, в самом деле ставшая весьма влиятельной, уже в течение долгого времени не обсуждается всерьез. Означает ли это, что она более не актуальна и является всего лишь историческим источником, то есть важной для своего времени книгой, но сегодня утратившей значение для понимания современного мира? Ниже я постараюсь доказать, что это не так. Для этого я вкратце обрисую творческое наследие Харви, опишу его отношения с Маркс(изм)ом и назову причины того, что «Состояние постмодерна» все еще имеет значение для актуальной социальной теории. Кроме того, я уделю внимание важному, по моему мнению, сю-

жету, который может подогреть интерес читателей к этому источнику, — критике Харви со стороны феминисток.

Нужно начать с того, что Дэвид Харви — прежде всего географ. Однако его география — необычная. Автор концепции «воображаемых географий» и редактор книги, посвященной творческому наследию Харви², Дерек Грегори ожидаемо позиционирует Харви как географа, цитируя самого своего героя, утверждающего, что «география слишком важна, чтобы оставлять ее на усмотрение географов» [Gregory, 2006, p. 1]. Почти во всех своих книгах Харви неоднократно повторяет, что география — главная социальная наука, что она первостепенна для критического анализа и что в рамках социальной теории география открывает совершенно новый, отличный от позиции традиционных социологов, взгляд на мир. Начиная с самой первой книги Харви хотел произвести революцию в географической науке и почти в каждой последующей своей работе использует географию скорее как эмпирический материал для социально-теоретических и политических выводов.

Во вторую (по хронологии, но не по значению) очередь Харви — марксист. Именно поэтому то, чем он занимается, называют «критической географией», «радикальной географией» и, что куда почетнее и точнее, «историко-географическим материализмом». Однако Харви не сразу открыл для себя Карла Маркса. В первой книге «Объяснение в географии», написанной на основе диссертации и опубликованной в 1969 году, Харви обратился к тому, чтобы испытать географическую науку философией и методологией науки. Такому неожиданному упражнению есть причина. Не будем забывать о произошедшей в 1960-х «количественной революции» во многих науках, в том числе, конечно, и в географии. За десять лет к 1969 году традиционная региональная география уступи-

² Послесловие в этой книге писал сам Харви. Оно переведено на русский язык [Харви, 2011].

ла место формализованной науке о пространстве, основанной на количественных данных.

К концу 1960-х годов Харви пришел к выводу, что сила географических знаний не в том, чтобы накапливать данные, составлять реестры и географические справочники, но в чем-то большем. Однако прежде чем ответить на вопрос, в чем именно состоит эта сила, нужно было ограничить саму географию (чтобы впоследствии освободить место для социальной теории). Не вдаваясь в споры о «природе» географического знания, Харви провел «жизненно важное» различие между философией и методологией, попробовав подобрать критерии «разумным объяснениям». Остановившись на концепте «логики объяснения», он пришел к выводу, что существуют аспекты географического анализа, которые являются предметом логики, и такие аспекты, которые зависят непосредственно от философских предпосылок. Как это формулирует Грегори, «было невозможно так беспроблемно разделить философию и методологию, как это изначально предполагалось. В самом деле, весь проект Харви был основан на центральном философском утверждении» [Gregory, 2006, p. 3].

Грегори пытается быть взвешенным и потому осторожно отмечает, что в книге слишком много методологии («создавалось ощущение, что в конце дороги, выложенной из желтого кирпича, за занавесом волшебника ничего нет») и практически нет реальности. Той реальности, в которой происходила еще одна революция — радикальные волнения в 1968 году в США, Франции, Германии, Италии и т.д. Харви сам признался в том, что упустил реальность из виду, и поэтому обратился в итоге к социальной проблематике. Эссе, написанные после первой книги, составили основное содержание второй его самостоятельной³

³ За год до этого Харви издал книгу «Люди, нищета и здоровье» в соавторстве с Марсией Мерри [Harvey, Merry, 1972]. Сегодня эту работу не вспоминают вообще.

работы — «Социальная справедливость и город». Пересмотренное издание этой книги не так давно вышло на русском языке [Харви, 2018]. По ней, однако, почти невозможно составить мнение о творчестве Харви.

В целом источник является устаревшим и любопытным только добавленным эпилогом, который и без того существовал на русском языке [Харви, 2008a]. Книга достойна упоминания потому, что в ней наметился переход Харви от поисков философских оснований географии к социально-философским выводам, сделанным на основе географических знаний. Теперь Харви обратился к самой модной теме социально-политической теории начала 1970-х — к теории справедливости Джона Ролза. В высшей степени абстрактную и спекулятивную теорию географ попытался применить к исследованиям города — прием, равно достойный как уважения, так и скепсиса. В то же самое время Харви организовал семинар, повлиявший на его дальнейшую жизнь самым радикальным образом, — как в свое время французские марксисты под началом Луи Альтюссера, он и его младшие коллеги начали «читать» «Капитал» Карла Маркса. Поэтому в «Социальной справедливости и городе» ролзовские либеральные формулировки уживаются с марксистскими радикальными формулировками [Harvey, 2001a, p. 8–9].

Ретроспективно — но в данном случае у нас нет оснований не доверять Харви — он вспоминает об этом так: «Я изучал урбанизацию города Балтимор, когда мне было тридцать пять лет. Я был вовлечен в исследования качества рынка жилья и причин, побудивших восстания в американских городах в конце 1960-х годов. И в ходе этого исследования я применял традиционные методы социальных наук, которые казались малоэффективными, поэтому я искал какой-то другой способ сформулировать проблему. И как-то я случайно сказал своим ученикам, что, может быть, нам стоит почитать Маркса. Так я стал читать

Маркса и обнаружил, что его книга по-настоящему актуальна. В каком-то смысле, это был более интеллектуальный, нежели политический выбор. Но после того, как я несколько раз процитировал Маркса, почти сразу же стали говорить, что я марксист. Я не знал, что это значило, но чуть позже я перестал отрицать это и сказал: “Ладно, если я марксист, то марксист, хотя я и не знаю, что это такое”, — и я по-прежнему не знаю, что это значит. В этом явно есть какое-то политическое послание, а именно критика капитала» [Харви, 2020].

Так или иначе, можно сказать, что в итоге в книге «Социальная справедливость и город» отразился принцип всей дальнейшей работы Харви. В его научном подходе есть две константы: политическая экономия Маркса как методология и географическая наука как эмпирика. Третий элемент формулы практически любой книги Харви всегда вариативен. Это философские концепции (космополитизм Канта), исторический материал (Париж середины XIX столетия), литература (в которой был отражен Париж XIX столетия), феминизм, искусство и т.д. Но все это осваивается через применение процессуальной географии (то есть через пространство, которое возникает за счет социальной динамики) и марксистской политэкономии. Отсюда и название подхода, который Харви фактически придумал, — историко-географический материализм.

Окончательно к Марксу Харви пришел в своей следующей книге «Пределы капитала», вышедшей в 1982 году [Harvey, 1982]. Здесь Харви отдает должное Марксу в том, что тот смог разглядеть капитализм как тотальность — единое целое, имеющее диалектический и, следовательно, динамический характер. Это помогло сформулировать Харви новый подход к пониманию пространства и его процессуальным преобразованиям. Хотя Маркс уже описал динамику капитализма как способа производства, считается, что в корпусе его работ проблематика простран-

ства оставалась скрытой, и даже такой именитый французский неомарксист, как Анри Лефевр, не интегрировал эти рассуждения в логику накопления капитала. Харви же показал, что неустойчивое производство пространства изначально было и решением развития капитализма, и его же проблемой, так как у капитала существовали те самые «пределы». Левый медиатеоретик Кристиан отмечает, что Харви основывался на теории Лефевра и расширил ее до особой формы марксистской географии [Fuchs, 2020, p. 260]. Таким образом, как утверждает Грегори, хотя две работы — «Объяснение в географии» и «Пределы капитала» — воспринимаются как противоположные, на самом деле они определили дальнейшее развитие Харви как географа-марксиста, так что вообще все труды, написанные Харви, «представляют собой своего рода путеводитель по бурным ландшафтам современного капитализма» [Gregory, 2006, p. 2].

Настало время прояснить непростой вопрос — отношения Харви и Маркс(изм)а. Я пишу суффикс «изм» в скобках, потому что считается, будто Харви в течение долгого времени намеренно дистанцировался от всего, что можно было бы назвать «западным марксизмом» или неомарксизмом в широком смысле слова. Изначально в своей методологии Харви обращался даже не к классическому марксизму, а к самому Марксу, причем позднему, то есть к его политической экономии, и строил свой анализ, основываясь преимущественно на «Капитале» и «К критике политической экономии». Поэтому Грегори предельно осторожен в терминах и специально отмечает, что пишет именно «Маркс», а не «марксизм» [Ibid., p. 7]. Сильно позже сам Харви характеризовал это так: «...изучение метода Маркса также открыло огромные возможности для интеллектуальной работы и политических комментариев по таким разнообразным вопросам, как политически оспариваемый характер географических знаний, экологиче-

ские проблемы, местные политико-экономические события и общие отношения между географическими знаниями и социально-политической теорией. Возникло целое направление исследований, чтобы понять, как географические знания (как бы они ни определялись) используются политической властью» [Harvey, 2001*b*, p. ix].

В целом восхищаясь теоретической работой Харви, Грегори находит в ней и «ахиллесову пяту». То, что Харви был привержен именно Марксу и не обращал внимания на актуальные дебаты о марксизме (на самом деле это не так, но об этом ниже), якобы создавало риск того, что «проблемы, которые, в частности, привели к возникновению западного марксизма, будут проигнорированы». Кроме того, подозрительность Харви по отношению к интеллектуальным традициям, выходящим за рамки исторического материализма, постоянно усиливалась и усиливается до сих пор [Gregory, 2006, p. 20]. В итоге сочинения Харви теряют гибкость, если использовать термин, который сам он придумал для режима нового накопления капитала. Наверное, сразу стоит сказать, что это не совсем так. Харви определенно внес существенный вклад в современный марксизм и совершенно точно вышел за пределы исторического материализма. На это, собственно, указывает марксист Алекс Каллиникос. Еще в 1985 году Харви лично отметил, что интегрирует пространственное измерение в классическую политическую экономию марксизма и поэтому: «Исторический материализм должен быть обновлен... историко-географическим материализмом» [Callinicos, 2006, p. 49; Harvey, 1985*a*, p. xiv].

Медиатеоретик Роберт Хассан, при том что он считает «Состояние постмодерна» важнейшей и очень актуальной книгой, приходит к схожему выводу, называя марксизм Харви «откровенно доктринерским» [Hassan, 2020, p. 6]. Не желая пренебрегать всеобщим законом капиталистического накопления, Харви якобы впал в противо-

речия, отказываясь признавать гибкое накопление мутацией капитализма. Хассан формулирует это очень красиво: «Все изменилось, но ничего не поменялось». Иными словами, постмодерн для Харви был лишь поверхностным явлением, отражающим логику остающегося неизменным капитализма. Сказать, что фундаментальные перемены произошли в самом капитализме, означало бы признать, что марксизм Харви — постмодернистский. Хассан упрекает Харви в том, что тот не ссылается на уже громко прозвучавшую книгу «постмарксистов» Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф «Гегемония и социалистическая стратегия» [Laclau, Mouffe, 2000], которые смогли отказаться от якобы неадекватной классической теории и приняли постмарксизм, покончив с «тотализирующими» аспектами послевоенного марксизма. В терминах Хассана это и есть «марксистский постмодернизм» [Hassan, 2020, p. 7].

Хассан — в самом деле блестящий социальный теоретик, но знание западного марксизма — не его сильная сторона. Иными словами, политическая теория Лакло и Муфф — очень плохой пример, чтобы сравнивать ее с концепцией Харви. Постмарксизм Лакло и Муфф состоял в том, что идеологически они осуждали Вторую и Третий Интернационалы (а это означало отказ от классового эссенциализма), интеллектуально — распространяли постструктурализм на марксистскую традицию, теоретически — отдавали предпочтение Грамши и Фуко, а не Марксу (Хассан «журит» Харви за то, что тот не уделяет внимание Грамши и пренебрежительно относится к Фуко, — к слову, общий пункт скепсиса по отношению к методологии Харви; при этом сам Харви в своей книге критикует марксистов, которые больше цитируют Фуко и Деррида, чем Маркса), политически — симпатизировали еврокоммунизму и ставили целью не социализм, а «радикальную демократию» [Андерсон, 2018, с. 143]. Зачем «традиционному» марксисту все это было читать? Каким

бы доктринальным и негибким марксизм Харви ни был, он остается образцом верности марксистской политической экономии и ее политическим следствиям. Впрочем, в конце концов, Хассан отдает должное Харви, отмечая, что еще в 1989 году «рабочие классы в англосфере, то есть на переднем крае неолиберализации, все еще были удивительно организованы, если смотреть с сегодняшней точки зрения» [Hassan, 2020, p. 177]. Наверное, здесь уместно упомянуть, что существуют попытки вписать Харви в традицию «критической теории» неомарксизма, и в итоге его идеи «уживаются» вместе с концепциями Лакло и Муфф, Славоя Жижека, Акселя Хоннета и т.д.⁴

Все перечисленные нападки на ригидность марксизма Харви часто исходят от левых. Надо признать, что у Харви и современного марксизма в самом деле непростые отношения, и некоторые марксисты очень часто находят «ресурсы для критики» творчества Харви, но не все. Так, суровый и весьма последовательный британский марксист Алекс Каллиникос в кратком, но содержательном очерке «Дэвид Харви и марксизм» проясняет, чем именно нынешние левые могут быть обязаны Харви [Callinicos, 2006]. Каллиникос называет четыре особенные черты теоретического наследия Харви. Во-первых, Харви установил непосредственную связь с ключевой работой всей классической традиции — «Капиталом» Маркса, и книги «Пределы капитала» и «Состояние постмодерна» являются ценным вкладом в марксистскую политическую экономию. Во-вторых, Каллиникос признает, что Харви улучшил исторический материализм географическим измерением. В-третьих, Харви всегда выражал готовность

⁴ Французский социолог Размиг Кешиян в своей книге «Левое полушарие», вписывая Харви в «критическую теорию», ссылается преимущественно на его поздние работы и вообще не упоминает его имени в контексте постмодерна, традиционно отдавая приоритет Джеймисону [Keucheyan, 2013].

хладнокровно исследовать темы, которые многие марксисты презирали. Такой темой, к слову, был постмодерн, и Каллиникос отмечает, что в «этом существенная разница между Харви и другими марксистскими участниками дискуссии о постмодерне». Таковым был сам Каллиникос, написавший предельно критичную книгу о постмодерне, в которой исследовательская оптика была вытеснена критикой [Callinicos, 1990]. В-четвертых, в отличие от многих иных англоязычных марксистов, Харви является настоящим политическим активистом. Это признает не только Каллиникос, но и Хассан: «Харви всегда был активистом, то есть тем, кто не только пишет о борьбе, но и лично участвует в ней» [Hassan, 2020, p. 2].

Здесь необходимо сделать паузу. Отношения Харви с некоторыми западными марксистами в дальнейшем сложно обсуждать без краткого введения в его теорию постмодерна. Я вернусь к теме марксизма после лаконичного изложения ключевых идей Харви, представленных в «Состоянии постмодерна».

Собственно, к концу 1980-х годов Харви оставался относительно безвестным «марксистским географом», перебравшимся из Великобритании в США. К тому моменту у него вышли еще две книги, посвященные все тем же темам — урбанистике и капиталу [Harvey, 1985a; 1985b]. Вероятно, самой важной вехой для развития теоретической работы Харви о постмодерне стало то, что он обратился к социологическому периоду творчества Маркса, познакомившись с брошюрой «Восемнадцатое брюмера Наполеона Бонапарта». Как отмечают исследователи, в 1980-е это стало методологической рамкой Харви для историко-литературного исследования Парижа Второй империи. В этих обстоятельных эссе он обращался к Бальзаку, Золя, Бодлеру (разумеется) и другим писателям, чтобы показать, как литература раскрывает город через пространственную динамику. Харви демонстрировал, как «рационализация» го-

родского пространства под знаком современности зависела от мобилизации финансового капитала (нового положения денег, кредита и спекуляций), который превращал пространство в товары и отражал товары в пространствах. Так, центр Парижа все заметнее коммодифицировал буржуазную социальную жизнь⁵. Одним словом, классический модерн стал еще одним чемоданчиком в теоретико-творческом багаже Харви. Так что ему оставалось сделать последний шаг до исследования постмодерна.

Возможно, сегодня все изложенное Харви в «Состоянии постмодерна» может показаться общим местом или даже устаревшим. Однако давайте вспомним контекст написания и выхода работы. 1989 год. Книга появилась в тот момент, когда политическая, экономическая и культурная напряженность в конечном счете привели к символическому падению Берлинской стены в ноябре 1989 года. «Конец Советского Союза, начало открытия Китая и Индии, провозглашение американского триумфализма и “конец истории” — все это последовало очень скоро» [Nassan, 2020, p. 3]. Плюс к этому, как известно, англоязычная социальная и гуманитарная наука 1980-х годов была поглощена дебатами о модерне — постмодерне. Мы также помним, что Харви был очень чувствителен к мейнстримным темам широкого спектра социально-гуманитарных дисциплин (философия науки, теория справедливости, гендерные исследования и т.д.). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в итоге он обратился к проблеме постмодерна — на пике академической моды на термин. Именно проблеме, потому что Харви еще только предстояло выяснить, что это — стиль в искусстве, философия, новая историческая эпоха или что-то еще. На момент выбора предмета исследования теоретическая, эмпириче-

⁵ Позже эти эссе были собраны в богато проиллюстрированной книге [Harvey, 2003b].

ская и, что немаловажно, историческая почва уже была хорошо возделана и ждала, пока ее засеют.

Сам Харви в 2000 году вспоминал об этом так: «Внезапно начались разговоры о постмодернизме как категории понимания мира, вытесняющей или подавляющей капитализм. Итак, я подумал: я написал “Пределы капитала”; я много исследовал Париж Второй империи; я кое-что знаю об истоках модернизма и много об урбанизации, которая ярко проявляется в этом новом устройении мира; так почему бы не сесть и не заняться этим так, как это вижу я? В результате появилась одна из самых легких книг, которые я когда-либо писал. На то, чтобы ее написать, у меня ушло около года, не обремененного какими-либо проблемами и тревогами. И как только я взялся за написание, мой ответ, конечно, стал более взвешенным. У меня не было желания отрицать обоснованность какой-либо идеи постмодерна. Напротив, я обнаружил, что это понятие указывает на многие события, которым мы должны уделять самое пристальное внимание. Вместе с тем это не значит, что мы были должны поддаться ажиотажу и преувеличениям, которые тогда окружали это понятие» [Harvey, 2001a, p. 13].

В отличие от многих авторов Харви непременно стремился к кристальной ясности своих мыслей — не делать сложное простым, но делать сложное ясным (впрочем, это не означает, что у него всегда или хорошо получалось). По этой причине в самом начале книги Харви предложил ее основные тезисы. Их четыре: 1) начиная с 1972 года в экономике и культуре наступили глобальные изменения; 2) эти изменения обусловлены появлением нового опыта переживания времени и пространства; 3) между очередным этапом «пространственно-временного сжатия», культурой постмодерна и гибким накоплением капитала есть определенные (необходимые) отношения, которые по-новому организуют сам капитализм. Эти три тезиса даже сегодня выглядят интригующими — что говорить о

том, как они могли восприниматься в конце 1980-х? Однако Харви на первой же странице книги убивал одну интригу (сильную), хотя и создавал тем самым другую (более слабую). Дело в том, что, согласно четвертому тезису, ощутимые перемены в культуре происходят в соответствии со всеобщим законом капиталистического накопления, так что о каком-либо постиндустриальном обществе и уж тем более о принципиальном изменении капитализма говорить было нельзя. Иными словами, автор сразу предупреждал читателей, желавших узнать новую концепцию капитализма, что этого ожидать не следует. Однако у оставшейся аудитории, еще не окончательно разочарованной, возникал вопрос: каким образом Харви это докажет, учитывая наличие первых трех тезисов?

Фактически указанным четырем тезисам соответствует, хотя и в неполной мере, содержание всей книги, разделенной на четыре неравных по объему части. В первой части, где намечается переход от модерна к постмодерну, Харви описывает радикальные сдвиги в культуре, иллюстрируя их на примерах городского планирования, архитектуры, литературы и т.д. Здесь же автор делает важное отступление в главе про «модернизацию», в которой вкратце излагает социально-экономическую теорию Маркса, ставшую, как видим, ключевым методом анализа. Во второй части речь идет о переходе от ригидного (негибкого) капитализма, олицетворяемого фордизмом, к гибкому накоплению, которому соответствуют принципы постфордизма. Собственно, фордизм был успешной организацией национальной экономики, при которой сложился хрупкий компромисс между профсоюзами, государством и капиталом. В течение нескольких десятилетий эта модель слаженно работала, пока не произошел кризис перепроизводства и, соответственно, перенакопления. Тем самым капитал, пытаясь разрешить кризис, стал распространяться за национальные границы, перенося производ-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru